

мых от Рима государств, которыми управляли наследственные правители, как, например, Оденат (стр. 111).

Не понимая, таким образом, сущности глубокого социально-экономического кризиса III в., Альтгейм дает ему узкую и одностороннюю оценку.

Для некоторых представителей современной буржуазной историографии характерно показное стремление заново рассмотреть исторический материал, построить новую схему исторического развития. Альтгейм оправдывает это стремление тем, что человечество после второй мировой войны переживает новую эпоху, требующую новой оценки прошлого. Но если объективно рассмотреть ультрасовременные теории Корнеманна и многих других представителей послевоенной буржуазной историографии, то нельзя не прийти к заключению, что их новизна является фикцией. Взгляды самого Альтгейма являются во многих отношениях развитием и распространением на историю III в. положений известного буржуазного историка прошлого столетия Леопольда Ранке.

Альтгейм берет у Ранке его категорическое отрицание роли экономических факторов в истории, выпячивание политической, и притом не внутренней, а внешнеполитической, военной истории. Подобно главе так называемой «исторической школы» в Германии Л. Ранке, Альтгейм отрицает объективные исторические законы, утверждая, что каждое поколение вправе создавать свою историческую концепцию, свою систему взглядов на прошлое человечества. Этот принцип приводит к субъективизму и к неоправданным аналогиям прошлого с настоящим.

Результаты этого метода видны на примере рецензируемого труда. Он представляет огромное здание с иногда интересными архитектурными деталями и звеньями, но построенное на непрочном фундаменте. Альтгейм рассматривает историю III в. лишь под одним узким углом зрения — военной истории или еще уже: роли конницы как нового рода войск. Как бы ни были интересны отдельные выводы и наблюдения автора в этом направлении, они не могут объяснить всего того многообразия явлений и событий, которое дает нам история III в. Альтгейм не видит главного в кризисе III в.: революционного движения рабов и колонов, социально-экономического и политического кризиса рабовладельческого общества.

Труд Альтгейма порой страдает бессистемностью, повторениями и перегрузкой материала, не имеющего прямого отношения к теме исследования, концепция отличается чрезвычайной искусственностью и фактически дает мало нового для понимания проблемы падения древнего мира.

А. И. Немировский
А. М. Ременников

T. MOMMSEN, Römische Geschichte, т. IV, Zürich, 1954, 43 стр.

До сих пор принято было считать, что четвертого тома своей «Римской истории» Моммзен не написал. Однако четвертый том существует, хотя и представляет собой небольшую работу в 43 страницы. Примечательна история появления этого тома.

В 1877 г. в честь 60-летия Моммзена его коллеги Яков Бернайс, Вильгельм Хартель, Адольф Хирцель, Вильгельм Шреер и др. выпустили юбилейный сборник на немецком, английском, итальянском, французском и латинском языках, который назывался «*Commentationes philologicae in honorem Theodori Mommseni scripserunt amici*». В благодарность друзьям Моммзен в том же году подготовил и опубликовал две большие работы под заглавием: «Римская история», т. IV, напечатать в 100 экземплярах и распределить моим друзьям».

Впервые IV том был опубликован в 1877 г. в журнале «Hermes», в т. XIII. Со временем в числе антикварных изданий сохранилось три экземпляра этой работы. Один экземпляр имела Берлинская научная библиотека. Но во время второй мировой

войны он там сторел. Отделение классической истории университета им. Мартина Лютера в Галле также имело экземпляр оригинала с посвящением Моммзена: «Господину проф. Дегенкольбу на память о некоторых приятных часах». Один экземпляр IV тома под № 49 и с надписью, сделанной Моммзеном в благодарность за редактирование издания, имел один гамбургский коллекционер. В память о 50-летию со дня смерти Моммзена — 3 ноября 1953 г. — IV том был издан в Вене в 675 экземплярах, а затем напечатан в 1954 г. и в Швейцарии, в Цюрихе.

Четвертый том состоит из двух глав. Первая глава является, по существу, кратким обзором внешней политики ранней империи. Изложение событий доведено до времени правления Сульпиция Гальбы (68—69 гг.). И в этой главе, так же как и в других томах «Римской истории», отчетливо прослеживается концепция автора о благотворности римских завоеваний и установления римского господства для покоренных народов. Так, жестокое порабощение Галлии Римом представляется благом для галльских племен. По мнению Моммзена, римляне, в частности Цезарь, справедливо относились к галлам, щадили их национальную гордость, способствовали развитию галльской и кельтской культуры (стр. 11).

Однако Рим, распространивший свою власть на другие народы, оказался, как это отмечает Моммзен, неспособным предотвратить восстания в провинциях и в войсках, что особенно обнаружилось в правление Нерона. Антиримское выступление галлов в 68 г. под руководством Гая Юлия Виндекса, наместника Лугудунской Галлии, представляется Моммзену движением за установление республиканского образа правления в Риме. Движение распространилось на всю провинцию и захватило город аллобровтов Вьенну. Лугудун не примкнул к восстанию и остался верным Нерону. В движении принимали участие галлы восточных областей провинции и областей по левому берегу Рейна. Мятежом была охвачена и Нарбонская Галлия. Общее количество вооруженных повстанцев достигло 100 000 человек. Однако расчеты Виндекса на то, что к движению примкнут наместники других провинций и легаты провинциальных легионов, не оправдались. На подавление движения Виндекса Нерон послал в Галлию семь римских легионов под командой Люция Виргиния Руфа. Сражение закончилось поражением восставших. Виндекс покончил самоубийством.

Выступление в этом же году наместника Тарраконской Испании Сервия Сульпиция Гальбы также представляется Моммзену как борьба за провозглашение республики, на верность которой, т. е. сенату и римскому народу, Гальба якобы заставил присягнуть свои войска (стр. 14). Выступление наместника Лузитании Отона и последовавшие затем выступления провинциальных легионов Верхней и Нижней Германии, Британии, Сирии и дунайских провинций также проходили под лозунгом борьбы за республику, хотя Моммзен и ясно понимает, что сами вожди этих армий и движений вовсе не были сторонниками республики: полководцы боролись за власть, а солдаты двигали и поддерживали своих командиров, надеясь таким образом реализовать свои требования.

Вторая глава IV тома носит название «Родина и эпитафия Тримальхиона». Здесь Моммзен рассматривает «Сатириков» Петрония как источник для изучения истории южноиталийских городов и положения вольноотпущенников в империи в I в. н. э. Анализ сатиры дает некоторые сведения по истории Мизена, Кум, Неаполя и Путеол, т. е. именно тех городов, которые упоминаются в сатире. Сейчас история этих городов достаточно известна, однако для того времени, когда писал Моммзен, его сведения, основывающиеся на надписях, представляли для историков большой интерес. Все эти города Моммзен считает по происхождению греческими. В прошлом это маленькие греческие колонии, затем колонии римских граждан. Мизен, например, сравнительно молодой город, возник, по его мнению, из лагеря стоянки легионов (IRN, 2575, 2576). В эпоху Августа здесь была устроена стоянка римского военного флота. По мнению Моммзена, городом Мизен стал в правление императора Клавдия и был приписан к трибе Клавдия. Путеолы как колония римских граждан возникли на месте прежней греческой колонии вскоре после Второй Пунической войны. По свидетельствам античных авторов и по данным надписей, Путеолы являлись значительным

торговым городом в Кампании, в некоторой степени второй гаванью после Рима. Неаполь уже в эпоху ранней империи был италийской муниципией, но в городе, однако, долго удерживался греческий образ жизни: деловой язык был греческий, названия некоторых магистратур города также оставались греческие, например: ἀγορανομίτης. История Кум Моммзену была менее известна. По истории возникновения этой греческой колонии почти нет данных, кроме двух надписей: IRN, 2568, 2569. Повидимому, римской колонией Кумы стали в период ранней империи: при первых триумвирах или в правление Августа. Свидетельство этому Моммзен находит в словах одного из персонажей сатиры — вольноотпущенника Тримальхиона—Гермера: *Puer capillatus in hanc coloniam veni: adhuc basilica non erat facta*, т. е. в момент посещения Кум Тримальхионом и его вольноотпущенником Гермером Кумы как колония находилась в процессе возникновения: здесь не было воздвигнуто даже общественного здания — базилики, что было одним из признаков организации колонии. Так, при организации сулланских колоний ветеранов, например Помпей, обязательным являлось закладка и сооружение общественного здания.

В конце второй главы Моммзен дает полный текст эпитафии, которую предполагал себе поставить Тримальхион. Анализируя и комментируя эту эпитафию, Моммзен определяет социальное и экономическое положение вольноотпущенников в период ранней империи, когда, по его мнению, наступило торжество нового порядка, при котором процветали всякого рода торговцы, вольноотпущенники и ростовщики, поэтому сатира Петрония в данном случае является очень важным источником. Сравнение эпитафии Тримальхиона с сохранившимися подлинными надписями подобного типа, например с эпитафией из Помпей августала Люция Мунация Фауста — IRN, 2346 — свидетельствует, до какой степени близко к действительности держался в своем произведении Петроний. Тримальхион — малоазийский грек, попал рабом в дом богатого римлянина. Затем он сделался поверенным своего господина в торговле вином и рабами, наконец он сам становится ростовщиком и крупным землевладельцем. Свой жизненный путь он пожелал увенчать великолепной надгробной надписью. На фронтоном своего мавзолея Тримальхион приказал высечь изображение кораблей, несущихся на всех парусах, а его самого изобразить восседающим на трибуне. Одет он должен быть в тогу-претексту, с лятью золотыми кольцами на руках, рассыпающим из кошелька в народ деньги. По правую руку от него — fortuna с голубкой и с собачкой на цепочке. Затем следовал текст эпитафии. После слов «Здесь покоится Г. Помпей Тримальхион Мепенатинал» — Тримальхион хвастливо записал: «Ему заочно был присужден почетный севират» (*Huius seviritatus absentis decretus*). Моммзен доказывает, однако, что это не могло иметь места в действительности: муниципальный сенат имел право присвоить заочно только консулат или кваттуорвират. Следующая фраза эпитафии: «Он мог бы быть в любой декурии Рима, но не пожелал» (*Cum posset in omnibus decuriis Romae esse, tamen noluit*) — также критически анализируется Моммзенем. Тримальхион не мог быть членом римской декурии прежде всего потому, что он не жил в Риме.

Таково в общем содержание двух небольших работ Моммзена, объединенных им в IV том его «Римской истории». Небольшой объем тома и ограниченность исследуемого материала делают эту его работу менее значительной для историка. Вместе с тем ознакомление с этим томом «Римской истории», как нам кажется, представляет известный интерес для специалиста-античника.

С. Р. Ким